

Вырезка из журнала

ОГОНЕК

№ 16 . . . 1.8 АПР 1954

Слова дружбы и уважения

Сохранился любопытный рассказ Гоголя о том, как он в 1837 году посетил «Комеди франсез», когда там праздновали день рождения Мольера.

«Давали его пиесы «Тартюф» и «Мнимый больной». Обе были очень хорошо играны... Каждый год Théâtre Français торжествует день рождения Мольера. В этом было что-то трогательное. По окончании пиесы поднялся занавес: явился бюст Мольера. Все актеры этого театра попарно под музыку подходили венчать бюст. Куча венков вознеслась на голове его. Меня обняло какое-то странное чувство. Слышит ли он, и где он слышит это».

Гоголь был не первым деятелем русской культуры, которого видела в своих стенах «Комеди франсез». Еще в XVIII веке в ней побывали Фонвизин, Карамзин, знаменитый русский актер того времени Дмитревский.

Будучи в Париже в 1765—1768 годах, Дмитревский завязал дружеские отношения с корифеями «Комеди франсез»: с Лекеном, исполнителем главных ролей в трагедиях Вольтера, и с Клерон и Дюмениль, лучшими трагическими актрисами театра. «Надобно было видеть Лекена,— говорил Дмитревский,— в роли Магомета, Танкредя, Оросмана, Замора и Эдипа-царя, чтобы постигнуть, до какой степени совершенства может быть доведено сценическое искусство, потому что вообразить себе этого нельзя. Лекен и Дюмениль — это настоящие трагические божества».

Внимание Фонвизина, посетившего Париж спустя десять лет и не заставшего уже в живых Лекена, привлекало главным образом мастерство комедийных актеров театра. Фонвизин отмечал реализм их игры или, как он выражался, совершенное «подражание натуре». «Словом, комедия в своем роде есть лучшее, что я в Париже видел», — писал автор «Недоросля».

Отзыв Карамзина о спектаклях «Комеди франсез» (1790) интересен попыткой писателя охарактеризовать особенности исполнения классической трагедии актерами театра: «Вот декламация! Вот действие! Благородство в виде, величавость поступи, ясность, чистота в произношении, и в каждом слове душа, то есть, всякая Поэтова мысль выражена свойственным ей тоном, и в гармонии с игрою глаз, с движением руки, везде живопись, везде картины — и если зритель, несмотря на сие утончение искусства, остается холоден, то, конечно, не актеры виноваты».

Передовые русские люди XIX века подчеркивали национальный характер мастерства актеров «Комеди франсез».

В 1847 году, рассказывая в «Письмах из Avenue Maginot» о постановке трагедий Расина, Герцен утверждает, что именно актеры «Комеди франсез» выработали тот исполнительский стиль, который может раскрыть все значение Расина: «Есть нечто поразительно величавое в стройной, спокойно-развивающейся речи расиновских героев; диалог часто убивает действие, но он изящен, но он сам действие; чтобы это понять, надобно видеть Расина на сцене французского театра: там сохранились предания старого времени, предания о том, как созданы такие-то роли Тальмой, другие Офреном, Жорж...»

Герцен отмечает необычайную строгость исполнения, присущую актерам французского театра: «...два — три актера, как статуи на пьедестале; все устремлено на

них. Сначала дикая их, чрезвычайно благородная и выработанная, может показаться изысканной, но это не совсем так; торжественность эта, величавость, рельефность каждого стиха идут духу расиновских трагедий».

Герцен оставил нам замечательное описание игры Рашель, одной из величайших актрис, выдающейся представительницы сценического классицизма. «Как теперь вижу эти гордо надутые губы, этот сжигающий, быстрый взгляд, этот трепет страсти и негодования, который пробегает по ее телу! А голос,— удивительный голос! — он умеет приглубить ребенка, шептать слова любви и задушить врага, и исполниться злобы, гнева, суровости; голос, который подходит на воркование горлицы и на крик уязвленной львицы».

С творчеством Рашель был знаком и великий русский актер Щепкин. Ради встречи с Рашель во время своей поездки за границу он летом 1853 года заехал в Париж. Из беседы с французской актрисой Щепкин убедился в том, что она к своему искусству относится так же сознательно, как и он. В знак дружбы Рашель подарила русскому артисту рукопись трагедии Расина «Эсфирь» с надписью: «Дар великому комедийному актеру господину Щепкину от умеющей думать трагической актрисы Франции Рашель».

В сезон 1853—1854 года Рашель гастролировала в Петербурге и в Москве, и Щепкин увидел ее тогда во многих ролях ее репертуара. Щепкин не только восхищался талантом и огромным темпераментом актрисы, но и высоко оценил обдуманность ее игры и тщательное изучение ею всех деталей своих ролей.

«...Появление Рашели весьма благоприятно для искусства», — писал Щепкин. — Она столько бросила в мою старую голову мыслей, что не знаю, как и ладить с ними».

В 1899 году «Комеди франсез» посетил один из лучших русских романтических актеров и вдумчивый исследователь театра — Ю. М. Юрьев. Наибольшее впечатление произвел на него Мунэ-Сюлли. Знаменитый французский трагик, «мастер героини», превосходно выразил, по мнению Юрьева, стиль французской национальной драмы — блестящей по форме, часто как будто рассчитанной на внешний эффект, но исполненной искреннего, большого чувства. Немногими штрихами характеризует Юрьев в своих «Записках» манеру игры Мунэ-Сюлли в роли Рюи Блаза (в одноименной драме Гюго) — простого человека, попавшего в среду развращенной аристократии. Великолепно исполнил Мунэ-Сюлли знаменитый монолог Рюи Блаза, в котором он обличает продажных министров.

«Мунэ-Сюлли начинал его тихо, — пишет Юрьев, — как бы экономя энергию, но, постепенно разгораясь, давал к концу такую силу негодования, что зрительный зал как бы насыщался электричеством, исходившим от него».

Выдающиеся мастера Московского Художественного театра, побывавшие в «Комеди франсез» в 1937 году во время своих гастролей в Париже, снова отметили характерное для французских актеров мастерство диалога, законченность жеста и классическую строгость исполнения.

Советские зрители видят в «Комеди франсез» представителей славной традиции многовековой театральной культуры.

М. ЧЕРНЕВИЧ